

Полина Потанова

АНАТОМИЯ

двух антонимов

стихи

Полина Потапова

АНАТОМИЯ
ДВУХ АНТОНИМОВ

Стихи

«Монограф»
2009

ББК 84 (2Рос–Рус) 6
УДК 82–14

П–64

П. Потапова

«Анатомия двух антонимов. Стихи» – Челябинск:
Издательство «Монограф», 2009. – 60 с.

Полина Потапова (в девичестве Черепко) родилась в 1978 г. в селе Миасское Челябинской области. Окончила филологический факультет Челябинского Государственного педуниверситета. Однако учительскому ремеслу предпочла журналистику. С марта 2006 г. работает на челябинском информационном портале 74.ru. С октября 2008-го – редактор сайта Chel.ru. С ноября 2009-го – член Союза журналистов России.

Публиковалась в литературных журналах «Уральская новь» (Челябинск), «Уральский следопыт» (Екатеринбург), «Урал» (Екатеринбург), в Антологии «Современная уральская поэзия 1997-2003 г.г.». Автор двух поэтических сборников – «Обратная сторона луны» (Челябинск, 2002 г.), «Чем дальше ночь... Стихи и верлибры» (Челябинск, 2004 г.). В третью книгу вошли избранные стихи автора 2004-2009 г.г.

ISBN 978–5–904590–02–4

© П. Потапова, стихи, 2009
© Е. Потапов, дизайн, 2009
© ООО «1-Альянс», 2009

*«...Пишется все реже. Преследует
страх: включу голову – совру, а не
включу – кому нужны моя истерика
и поток сознания. А сердце просит,
прямо щемит в груди, и тоска
такая... Возникает дилемма –
соврать, чтобы полегчало, или
молчать и мучиться? И вот
осенило: сердцу, оказывается, тоже
можно приказать. Обуздать его,
как и сознание. Ведь как-то же эти
две стихии уживаются в нас...*

...Иногда мне кажется, что во мне уживаются два разных человека – человек-страсть и человек-смирение. Один все время на распутье сердца. Другой идет по вымощенной дороге сознания. Но если внутри появляется Бог, то возникает третий путь – души. И тогда дорога сердца перестает быть распутьем, обретая ясную цель. А каменная твердь под ногами оборачивается мягким ковром из травы. Бог даст, придет время – я выйду на этот путь. Тогда я совсем перестану писать, и от этого у меня не будет щемить в груди. А пока...»

I
[в рамках бездны*]

** — автор стихотворений, вошедших в эту часть,
может не разделять мнений лирических героев
этих текстов.*

Про рыб

*Рыбы всегда молчаливы,
ибо они – молчаливы,
ибо они – безмолвны...
И. Бродский*

рыбы всегда молчаливы ибо рыбы всегда немые
как немели бы мы не имея в словарном запасе зимы
как выплывали бы рифмами рифм на мокром асфальте мы
путь преграждая зиме и себе разбивая о рифмы умы

как без воды негустой но твёрдой была бы мелка река
«(читай – водосточна)» стихо-творений поэта (читай В.К.)
как бы тарковские зрители вечные дети без молока
жирно текущего в рот им с экрана оголодали
как

дочь придушила б свою мамашу без всяких на то причин
точней по причине угона последней у первой машин-мужчин
не первых у первой тем паче последней и как на лице морщин
убитых младенцев от них у неё и безбожно по швам трещит

не матка от родов от этих уродов а род от абортотв но
как жить без любви если жить по любви что вымер(з)ла не дано
и всё решено всё давно решено всё предрешено давно
и ночь за окном и темно за окном и не за окном темно

и как оборвать эту длинную речь где тоненько там и рвёт-
ся как перейти эту долгую реку где глубоко там брод-
ский разбился о камни а там где мелко и настоящий брод
нет ни камней ни воды только рыбы немые вмёрзшие в лёд

(2005)

*-Это стихотворение я посвящаю потерянному поколению

Цирк

тебе бы работать в цирке
а мне бы работать в церкви
но я не люблю работать
поэтому не пойду
в эту субботу в церковь
в эту субботу в цирке
показывают бегемотов
бегемоты на льду!

в субботу нельзя работать
в церкви нельзя работать
а в цирке можно работать
поэтому я пойду
в субботу на бегемотов
смотреть на льду бегемотов
смотреть на смешную работу
бегемотов на льду

бегемоты не любят субботу
бегемоты любят работать
а я не люблю работать
поэтому не люблю
работающих бегемотов
работающих даже в субботу
молящихся на эту работу
а я вообще не молюсь

не молюсь под куполом цирка
не молюсь под куполом церкви
не хожу на работу в субботу
и не собираюсь ходить
а ты работаешь в цирке
и ходишь в субботу в церковь
тебе бы быть бегемотом
а мне бы вообще не быть

(2005)

Челяба–Питер

Ни с того ни с сего жизнь ослепла от света
и ко мне интерес потеряла...

Это всё ничего, только, если б не это,
я бы многое в ней поменяла:

например, эту ночь, что считается белой,
но чернее челябинской ночи –
на таких же, точь-в-точь, пару дней, чтоб успела
от себя до тебя (многоточие);

разделившее нас расстояние в *тышу*
километров-часов беспросветных –
на автобусный час (ну, час двадцать, час с лишним)
расстоянием в сто километров;

этот медленный стих до тебя в кольцевую –
на единственный путь, нас сводящий,
и сто тысяч твоих электронных «целую» –
на *один* поцелуй, *настоящий*;

этот питерский свет – на затмение хотя бы
(но не свет же, не свет же, не свет же!),
ну, а жизнь – на билет, на билет до Челябины...

Но куда ей, ослепшей!

(2005/2006)

«До» верхней октавы

Да сдался мне ваш мерзкий серый питер!
Да я ж в припадке нервном хохочу,
а вы меня упорно не хотите
понять, как я вас до смерти хочу:

до ломоты в затылке от волнения,
до кома в горле, чтоб не зареветь,
до тонкой дрожи в пальцах и коленях
(дотронуться б до вас и умереть),
до жара, обжигающего щёки,
до холода мурашек по спине,

до пламени в груди и дыма в лёгких,
до страстного желания в вине
до дна дойти, забыть про всё, забыться
до полной слепоты и немоты
(достаточно, чтоб взять и утопиться?) –
до скорого! Но развели мосты

нас.

(2005/2006)

Нездоровая ревность

Держу себя в рамках бездны,
смакую сердечный яд,
ревную тебя к болезни,
что ближе к тебе, чем я,

длиннее, чем час при схватках,
полней, чем моя тоска,
и тоньше, чем боль в лопатках,
и громче, чем бой в висках,

заботы-любви-тревоги
проверенней и верней,
любых триединств-трилогий
прочней и плотней втройне,

и девственной крови гуще –
хоть с кем, но не с ней ложись, –
сильней, чем ко всем живущим,
ревную лишь к ней всю жизнь.

Живи не ко мне любовью,
живи не со мной в любви,
с кем хочется – *на* здоровье! –
но только (не с ней) живи.

(2006)

Бред по Фрейд, или Сон во время болезни

*Сплетаются нити болезненных снов
в узоры похлеще морозных узоров...*

Я сплю – заходите, согрейте весной,
и станет мне легче, но только нескоро:
мороз не по коже – мороз по мозгам,
мне холодно, солнце, на ложе болезни,
и «господи боже» стучит по вискам...

Мы ПОД одеялом – мы просто залезли,
мы всё-таки рядом, и так горячо,
и дрожью приятной мурашки по коже,
мне б только прижаться...предплечье, плечо,
и шея, и губы, и... господи боже!

Мне жарко, мне знойно, и вот я горю,
и к чёрту футболки, носки, одеяла,
и даже под сорок – на самом краю –
так сладко, так больно, так близко, так мало,
так ласковы пальцы в моих волосах,
так жарки объятья, так влажны ладони...

*И я просыпаюсь, в поту и слезах.
Мне холодно, мама. И, кажется, больно.*

(2006)

Несовпадение

когда
я лезла
на стены
от сдавленных этих чувств
когда
я резала
вены
по самое НЕ хочу

когда
я рыбой
орала
немые стихи свои
когда
я вдрызг
умирала
от выпитой нелюбви

когда
я жгла себя
в пепел
и в клочья себя рвала
когда
я заживо
в склепе
любовь свою погребла

а сердце
при остановке
поверило в сучий блеф –

вы грели
в микроволновке
свой вечный насущный хлеб

(2006)

* * *

Назови это слово, а хочешь –
поставь многоточие
между мной и тобой, между строк,
между прочим и прочее,
отзовись, не молчи,
прошепчи это мне в тишине,
и в сегодняшнем да
растворится вчерашнее нет.

Обними меня нежно за плечи,
а хочешь – за талию,
ни за что ни про что, невзначай,
просто так и так далее,
после нас хоть потомки,
а что после наших обид? –
только боль, т.е. ревность-калека
и страх-инвалид.

Напои меня взглядом, а хочешь –
наполни дыханьем
всю меня и возьми всю меня
с потрохами-стихами,
это всё – ничего,
я же вся на бумажном клочке,
крепко сжатом в моём кулачке,
это в каждом зрачке,
это важное влажное
больше чем слово бумажное,
это наше вчерашнее да
или позавчерашнее
мы-всегда-будем-вместе-
всегда-будем-вместе-всегда...
Но в сегодняшнем нет
растворится вчерашнее да:

никогда-никогда-никогда-мы-не-будем-с-тобою.

Назови это слово,
а если не можешь – любое,
но такое, чтоб мне было нечего
больше сказать,
обними меня нежно за плечи,
за талию, за...

Поцелуй меня в лоб,
а потом, если сможешь, в глаза.

(2005)

Три совета поэту про Это

1. Ретроспективный

А слабо написать
в двадцать первом про это, как
в девятнадцатом Саша
Наташе и Ане К.,
или как в двадцатом
Володя Лилечке, или
как Марина Сонечке или Анне Ах?

А ты напиши
про свою настоящую так,
как если бы вскоре
после того, как напишешь,
ты бы, как Саша, сжал
на своем животе кулак,
как Володя курок у виска и как
веревку на шее Мариша.
Ну попробуй
последней нежностью выстелить
её уходящий шаг!
Ну что тебе стоит пальцем в небо,
в небо володино выстрелить!

В миллионе тонн словесной руды
золотую крупинку найти попробуй
и отдай за любовь вполцены –
полбеды от беды,
выбирай: или вечная память
или
любовь скоротечная,
та, что до гроба.

Но ты сделай так,
чтобы
осталось и то и другое.

2. Белый

Напиши на асфальте мелом,
белым на сером асфальте,
потрескавшемся от белых стихов,
напиши, что хочешь,
только не нате
и не любовь еще быть может,
напиши и возвращайся домой
смотреть из окна, как дождь
смывает сухой
белый-белый мел,
и радуйся, радуйся, радуйся
за второе рождение асфальта,
он как минимум целую жизнь
будет тебе благодарен

за это и более-более чем.

Если дождь будет очень долгим,
набери ее номер,
скажи ей:
я больше не буду, я больше не могу,
не плачь.

3. Розовый

Бродский – хороший поэт,
зло – плохой стилист,
пусть тебя это не злит,
лучше подумай про это,
вспомни, как ей идет
твоя розовая помада
и как не идет персиковый,
что лучше не надо.

Сними с себя кожу, больше
персиковую, чем розовую,
сними с себя толстую кожу,
чтобы стать к ней ближе,
чтобы стать ей дороже,
чтобы стать ей,
кожа
мешает ощутить полноту
ее прикосновений к тебе
и в полной мере
насладиться ими,
и максимально правдиво
написать про это –
зачем?

На губах кожа тонкая-тонкая,
как только помада закончится,
подари ей еще одну,
такого же цвета,

и пробуйте-пробуйте-пробуйте вместе,
какой он на вкус, этот розовый.

И ты поймешь: вся соль – в стихах.

(2006)

Пошлое стихотворение

пошло писать стихи
пошло любить плохих
падших женщин

пошло называть вещи
своими именами
и не своими
кафарить слафами

пошлость жизни
универсальна
страх смерти
эк-зи-стен-ци-ален

пошло выражаться
труднопроизносимо
пошло материться
непереводимо

пошло пить
когда не о чем пить
пошло пить
когда нечего есть

пошло есть
пошло нет
пошло появляться
на белый свет

пошло держать
себя в чёрном теле
пошло писать
и жить еле-еле

пошло заниматься
любовью в постели
пошло лежать
прикованным к постели

пошло пить боржом
когда почка отвалилась
пошло умирать
когда смерть не сложилась

жизнь пошла
и смерть пошла

хорошо пошла
(2005)

От и до

*(Цикл стихочков, стихков,
стихов и творений)*

От 1 до 0

1

оловянные солдатики
деревянные кубики
стеклянные шарики
хрустальные туфельки

2

почечные колики
прободная язва
крестики-нолики
раз-два

3

сердце разрывается
на части
посуда разбивается
на счастье

4

а зеркало – к несчастью –
висит с разбитой пастью

5

давай зеркало разобьём
и солнечного зайчика убьём

6

ну давай убьём
солнечного зайчика
а давай зачнём
лунного мальчика

7

не строй мне глазки
не домогайся ласки
давай почитаем сказки

8

по улице ходило
большое чикатилло
оно оно
психически больно

9

жил – был
умер – выбыл
выкл. – вкл.
вкл. – выкл.

0

А давай зачнём
солнечного зайчика!
А кого мы ждём?
Мальчика.

От детства до ДЕДства

оловянный солдатик
слепошарый лунатик
металлический штырь
деревянный костыль

о солдатики
дерекубики
стеклошарики
хрустотуфельки

оловянные
маразматики
полупьяные
полунатики

детство сладко-ватное
детство стекловатное
старость ватная
сорокаваттная

от детства до старости
полшага осталось и

на старости от детства
никуда не деться

в детство
из ДЕДства
бегство

От рождения до вырождения

солнечные зайчики
кровавые мальчики
мальчики-с-пальчики

из пальца родился
нигде не пригодился
только в зеркале отразился

от рождения до вырождения
лишь зеркальное отражение

стеклянные мальчики
деревянные пальчики
зубы в стаканчике

зубы на полочке
стеклянные полуочки
зеркальные осколочки

родился маленьким
выродился стареньким

назывался мальчиком
оказался старчиком

оловянные солдатики
деревянные оградки

красная шапочка
белые тапочки

любит девушка дедушку
любит девочка дедочку
дедочку-деточку

плачет девочка
по мальчику
скачет дедочка
солнечным зайчиком

От вырождения до возрождения

ещё бы жить-поживать
бы жвачку жевать
бы жвачкой к нёбу прилипнуть

бы не хочется на небо
мне бы
жвачкой к нёбу
бы ещё бы!

жизнь как жвачка зыкая
смерть как жвачка липкая

а жизнь как жвачку смерть жуёт
и липнет смерть к её устам
а смерть бессмертная живёт
за пазухой Христа

а лысая смерть кажись
парик на жвачку прилепила
а косматая жизнь
приколись
жвачку проглотила

а смерть поверх седых волос
чёрный колпак надела
а жизнь на голову – из роз
венчик белый

От крестика до нолика

ой как не хочется умирать!
не хочется в ящик сыграть
ой ещё бы поиграть
в крестики-нолики
чур я нолики!

сами черти
несите свой крест
пока до смерти
не надоест

а мне побольше черти отмерьте
я жадный жизнеголик!
ставлю жирный крестик на смерти
а на жизни нолик!

а я мухлевал
а я победил
а я проиграл
и в яму угодил

не рой другому ям
и не ставь кресты
попадёшься сам
отдохнёшь и ты

мальчики крестики
на шеях затянули
девочки в истерике
в слезах утонули

кровавые мальчики
скрестили пальчики

дедушки
баушкам

спасательный круг
кинули
да где уж им
куда уж там
на воде круги-нули

на воде круги-нули
иуды-черти кинули

обманули черти
все нули у смерти

От листа до Христа

от земли до земли
всё кресты да нули
всё нули да кресты
да пустые листы

от листа до листа
ни черта ни Христа
всё венки да кресты
в тридцать три версты

на головах венки
и на гробах венки
и на гробах кресты
и в головах кресты

и от креста до листа
коломенская верста
и от листа до Христа
пустота

От Матфея до морфия*

Белы рученьки в земле испачкали:
Белых роз для венчика насажали.
А кого мы ждём? Не мальчика ли?
Отрожали – уже – провожаем.

Искололись мы в шипах венчика –
Нету мальчика, нету боженьки:
Белы рученьки – в синих веночках,
В синих веночках белы ноженьки.

Белоручки в крови зря испачкали,
Белых роз насажали напрасно мы,
И текут в нас кровавые мальчики
Млечным соком из мака красного.

От автора: до свидания.

* – это стихотворение уже было представлено вне цикла в предыдущем сборнике – «Чем дальше ночь...» (Челябинск, 2004 г.)

Последняя электричка

уступайте места
пожилым инвалидам
и женщинам
беременным и с детьми
не давайте женщинам
фи фригидным
становиться беремен-
ными И
обзаводиться детьми

они становятся
страстно-опасными
но это рас-
пространяется на
разное разных
и это заразно
но это не их вина

откладывайте назавтра
только послезавтра
и то только после
завтра И
ничто не планируйте
все внезапно
и больше чем за троих

молитесь перед сном
закрывайте двери
умывайте руки
ложитесь спать
не играйте в верю-не верю
бойтесь жизнь проиграть

в это невозможно
поверить не хотите ли
проверить? сомневайтесь
в электричку сев

будьте осторожны
позвоните родителям
двери закрываются
все
(2006)

* * *

Вот так и живём: как слепые кутята, мы тычемся в титьку чужой этой жизни. Мы тычемся в титьку не мамки, но суки, как мамки, но суки, холодной, чужой. И, путаясь в мыслях, соплях и шнурках, ищем дырку и угол – то угол, то дырку. И, путаясь в чувствах, в морщинах глубоких старушку любимым котенком зовем.

Мы ищем горячее мягкое женское, тёплое мягкое женское ищем. И любим за это лишь мы Маяковского – там, где про это, читаем его. И мысли читаем чужие, любви, но только не суки не этой холодной. Ведь если её мы раскусим, прокусим ей титьку и кровью ее захлебнём.

Вот так и живём...

(2009)

II

[эволюция ритма**]

*** — автор стихотворений, представленных
в этой части, оставляет за собой право
чувствовать не так, как думает.*

Эволюция ритма

В этом бешеном ритме
в одиночестве легче.
Кто-нибудь позвонит мне,
я кому-то отвечу
и назначу кому-то
встречу где-то, когда-то,
и забуду как будто
место встречи и дату.

Как значки, иконки –
по карманам украдкой.
В этой суетной гонке
в одиночестве сладко,
лошадиные скачки –
биоритм не для смертных,
как иконки, значки
на виду не заметны.

Лебединая верность –
алгоритм для влюблённых.
но бессмертная ревность
на ладонях солёных,
и ничто не проходит –
даже время не лечит,
даже ритм на исходе,
и, чем тише, тем легче...

.....

И никто не звонит мне –
всё прошло, время вышло...
В этом сдержанном ритме
даже сердца не слышно.

(2005)

Межсезонье любви

Унисоном осенних этюдов
Усыпление мгновений в веках,
И такая прозрачность повсюду –
На душе и в стихах.

Умирание в ритме минора,
Увядающий медленный блюз:
Перед смертью – memento Amore,
Этот звук, этот вкус.

Сладкозвучное сочное соло,
Златолистный этюд сентября –
Притягательный, но невесомый
Ритуальный обряд.

То ли чувств, то ли мыслей кружение,
То ли просто с ветвей листопад,
И такое в душе отрешенье –
Невзначай, невпопад,

Как во сне. Будто осень мне снится:
Словно рябь на воде наплаву,
Эта дрожь на губах и ресницах,
Но, увы, наяву.

На размытой странице желаний
Мелким почерком – дождь октября,
Как одно из последних посланий
Для меня – от тебя.

Ни тревог, ни забот, ни волнений –
Ветви голы, а чувства немые.
Усыпление счастливых мгновений,
Наступление зимы.

(2005)

* * *

Не торопись – мы всё успеем
И обо всём поговорим:
Мы вспомним первый день Помпеи
И сочиним четвёртый Рим;

Твой вечный сад засадим вишней,
И, чтоб казалась жизнь игрой,
Мы поиграем в третий-лишний,
Но им окажется второй;

Поговорим с тобой о важном –
И повернем полжизни вспять,
И в доме старом, двухэтажном
С тобой окажемся опять;

Всё отложив до новой встречи,
Оставим прошлое без слов...
Не торопись, ещё не вечер –
Ещё светло.

(2006)

Стихотравение

Посвящается русской женщине

Эти руки по локоть в траве,
Эти ноги в траве по колено,
И трава, говоря откровенно,
На ветру шелестит в голове:

То дела, то слова, то трава,
То за глупость чужую расплата,
То за всех и во всём виновата,
То зачем-то жестоко права.

А трава глубоко-глубоко,
И как будто мерещатся звуки –
Так сосут тебя дети и внуки,
Пьют парное твое молоко,

И сосут так садистки любя,
Что текут твои млечные соки
И меня возбуждают на строки,
Что растут, как трава, – для тебя.

(2006)

Самое длинное предложение с продолжением *Посвящается нашим матерям*

В долгах перед близкими, дальними, недалёкими, не зная полжизни ни продыха и ни отдыха, набрав каждой порою кожи и всеми лёгкими дыханье весны или просто немного воздуха, идёшь, улыбаясь по улице Маяковского, уставшая, сильная, светлая, небогатая, полна до краев отрешения философского – давно по счетам все оплачено с переплатою, а ты все должна, и должна; и должна бы хмуриться, но долг за тобой, и в улыбке ты расплываешься – плывёшь по безлюдной, пустынной советской улице и этой безжизненной улице улыбаешься, и жизнь продолжает себя, продолжая связывать тебя по рукам и ногам, и тебе отпущено, за всё перед всеми оправдываясь, доказывая, что все хорошо и все худшее в жизни – к лучшему, и делаешь снова привычное и ненужное – живешь между делом и молишься между святыми, и каждую ночь засыпаешь с губой закушенной и согнуто-сжатыми крепко, до боли, пальцами.

(2006)

Первый лишний

А ты не спрашивай, зачем,
Не жди в тоске, что скажут люди,
Вердикты всех предвзятых судей
Один в один, как пазлы Че.

И ты не думай не гадай,
За что нам это, и на это
Из всех ответов ни ответа
Бог ни тебе, ни мне не дай.

Не дай нам Бог в конце пути
Понять по следствию причину,
Изъяв из женщины мужчину,
В мужчине женщину найти.

Ты не молись и не божись –
Мы и хотели, и могли бы,
Но в этом деле – либо-либо,
И первый лишний – либо жизнь.

Она пройдёт, настанет май –
Растает в нас изнанка смерти.
Обратный адрес на конверте...
Да Бог с тобой. Не вспоминай.

(2006)

* * *

Рано ли мы распрощались, поздно ли –
Разве теперь это важно, правда ведь?
Будут у нас еще зимы с вёснами,
Только не нас уже будут радовать.

Хлебной ли в горле разбухнут мякотью,
Снежным ли, слезным ли встанут комом там –
Будет зима завершаться слякотью,
Будет весна начинаться холодом.

Было ль в подушке тепло волос твоих
Смешано с запахом кваса хлебного –
Будет наутро на влажной простыни
Пусто, как будто... и даже не было.

(2006)

Когда деревья

И мы любовью болели – боль же
Была такую, как мы любили,
Когда не только деревья – больше:
Когда и чувства большими были.

И было время – летали ветры,
И мы не медлили, не спешили,
Роня тени, сплетали ветви,
И в нас деревья росли большие.

И в небо счастья тянулись кроны,
И мы корнями рыхлили время,
И чувство было таким огромным,
Что мы не знали, что мы – деревья.

(2005/ 2006)

Возвращение в настоящее

Пахнет воздух январским и новым...
С прошлогодним, прощально-еловым
Не простившись, вдохнёшь новый год
И сглотнешь – и в тебя он войдет.

Запорошены ровным и слабым
Похоронно-еловые лапы –
Старый год безнадежно почил,
Но о прошлом забудь, не к ночи.

Хоть реви, хоть ори – не вернется,
Хоть умри – тридцать три остается.
Настоящее – в прошлом твоём.
Все там будем. Возможно, втроём.

(2006)

20 06 2006*

Жизнь – дежа вю. И в навязчивом наваждении –
всё обо дном, обездушенном, обезличенном –
день моего ожидаемого рождения
в этом году предсказуем преувеличенно.

Всё, как у всех, только всё-таки безнадежнее,
всё-таки все только счастливы одинаково,
всё остальное – несчастное – непохожее
в этом, похоже, бесчисленном цифро-знаковом:

«Солнечный крест», нестабильность и дисгармония,
рядом – «печать Соломона», души бессмертие,
два отраженья – зеркальные треугольники,
то есть Вселенной божественная симметрия.

Всё, как и раньше, но позже, чем Миша Лермонтов,
стоит пожить, чтобы после вот эти левые –
стихотворенье и сердце (не тише, слева-то) –
остановились бы одновременно первые.

(2006)

* – 20 июня – день моего рождения

То же самое

Просыпаюсь, рождаясь заново,
Засыпаю, ложась под саван.
Всё начнётся с того же самого
И закончится тем же самым:

Горьким кофе и кислой миною,
Неулыбкою – неужимкой,
И снежинкою тополиною:
То Полиною, то снежинкой;

Умной книжкой и глупой ссорой,
Глупым спором и умным видом,
И усталостью невесоюю,
И безвременьем неубитым;

Хмурым утром и тьмой кромешною,
Горьким пивом и постной сушкой,
И помилуй-мя-боже-грешную,
И гордыней-лицом в подушку;

Тесной комнатой встенывдавленной,
Зимней спячкой, весенней почкой
И тоской непере-даваемой,
Приходящей с последней строчкой

точкой.

(2005)

О поэте, ушедшем из жизни ночью

А вы не задумывались над тем,
как много о воздух разбилось строчек,
шагнувших из окон запретных тем,
распахнутых поздней осенней ночью?
Ведь тот, кто зачал пару срок в себе,
фиксацию их отложив на завтра,
сегодня молчит, и глядят с небес
и строчки, скончавшиеся внезапно.

Латентный родитель крылатых фраз,
убитых в зародыше в самом чреве,
ушел поздней ночью, но каждый раз
и снова, и снова включая реверс,
шагнув из окна и попав в окно
соседнего дома в соседнем небе,
он пишет, он пишет – ему дано –
фиксирует мысль, что придёт последней...

Но утром он снова уходит с ней,
и голо на полуживых и блеклых
страницах. И вот уже сорок дней
зима, тишина и узор на стёклах.

(2006)

Две причины написать на смерть поэта

Потому что он умрёт
или рано, или поздно
и оплакан и опознан,
а точнее, наоборот,
будет мною и тобой,
что почти одно и то же,
и, прости-помилуй, боже,
станет мною и тобой.

Потому что мы ещё
понарошку, но живые,
и рифмовки кольцевые
есть у нас на этот счёт,
и, пока мы не умрём,
мы весьма стихотворящи,
а когда сыграем в ящик,
мы с собой их заберем

для того, кто умер раньше.

*(1-2.04.2006, Екатеринбург,
театральное общежитие)*

Автонекролог к братской поэтической могиле

Мы не были безбожники, но были
От Бога невозможно далеки,
Поскольку мы не Господа любили,
А боль свою, свободу да стихи.

И сколько было боли – неизвестно,
Ее вокруг себя крутила ось,
И чувству между рёбер было тесно,
И чувство вырывалось и рвалось.

И жили мы недолго и неярко,
И не было другого нам дано,
И было нам не холодно, не жарко
Нисколько и настолько всё равно,

Что мы уже не корчились от боли,
А стих все рос контрастно лопуху,
И было и со мною, и с тобою
Давно уже все ясно наверху.

(2006)

Поэту-католику

Заведи на пораньше часы и побольше друзей,
Завяжи навсегда со спиртным и глаза, чтоб не видеть
Этот внутренний мир, что похож на большой Колизей,
На арене которого вовсе не новый Овидий,

А всё та же звериная травля, всё те же бои
Гладиаторов страстной любви и бесстыдных пороков.
Отпусти лучше бороду да прегрешенья свои,
Чем считать, сколько было обид и обитых порогов.

Это всё уже было с людьми, и, похоже, на том,
И наука его о любви – это вечные позы.
Всё равно превратились все люди в животных потом,
Всё равно он потом написал эти метаморфозы.

Лучше встань рано утром легко на защиту друзей
Лучше окна открой и Его для себя, чтоб увидеть,
Как легко был разрушен песочный большой Колизей
И лежат на песке гладиатор и новый Овидий.

(2009)

Крещение

Мысли роем по ветру, кусачий ветер в спину,
Ход или процессия – не важно никому.
Видит Бог, термометр зашкаливает в минус
Тридцать три по Цельсию, но вряд ли по нему.

Кровь в сосудах стынет от мороза на крещение,
Голой продержись с ней – и постигнешь суть вещей...
Поздно – не отлынить от серьезных отношений
С Господом и к жизни, и от жизни вообще:

Видит Бог – осудит – что не терпишь и не веришь,
Нет краёв у чаши, и не видно, где же дно.
Стынет кровь в сосуде, пьешь взахлёб и не пьянеешь.
Если б кровь – не страшно, так ведь это же вино!

Поздно, не исправишь, не отменишь, не замолишь,
В пост постновогодний не спасают образа.
Жизнь была одна лишь, и спасение одно лишь...
Льется кровь Господня, испаряясь на глазах.

(2006)

Эксперименты Демиурга

В радость свою макает, в горе свое макает
кисти,
в краску одну мешает отблески или блики
тьмы:
красные опадают, желтые опадают
листья,
маленькие такие, лёгонькие такие
мы

метко бросаем тени, тени пускают корни
кровью,
вены впадают в сердце, сердце сгорает с солнцем
в такт,
зданья вросли в деревья – нежно ласкают кроны
кровлю
маслом и акварелью, светом опять и тьмою –
так

кто-то напишет время, кто-то подарит веру,
кто-то
снова отнимет веру, снова подарит время,
в срок
мифы вращут легенды, рифмы впадут в аккорды,
ноты –
мимо или по венам, в низкий или высокий
слог.

Нежились или жили, не были или были?
Небо
плыло одно по венам, только вот это небо
то ль?
Неуч или учитель, нехристь или антихрист? –
Небог
Был нами или не был? Быль это или небыль?
Боль.

(2009)

Со-мнения

Посвящается Одному Поэту

То ли чувства, то ли пусто,
то ли в сердце, то ли так
вечно нервный твой тик в такт
бьётся с пульсом; в глотке хрустом –

то ли соды, то ли снега –
то ли отче, то ли ом
с губ слетает, словно ком
в горле не был болью неког-

да; и руки, верно руны,
на груди, и на губах –
вечно юный Прапхупа-
да, и мальчик бледно-лунный

где-то рядом; и стоишь ты,
то ли Кришне, то ли Хрис-
ту молитву говоришь
ты, как мантру, только трижды;

то ли четки, то ли бусы –
точно ребусы, реша-
ешь, как с Богом, не дыша,
пьешь, как воду, мокроусый,

чьи-то мысли или чьи-то
полуночные слова,
но дотронешься едва
ли до них ненарочито –

это звезды, или просто
поздно что-то начинать;
если время, значит, на-
значишь – сам себе апостол –

либо мерить, либо верить,
точно в чудо; точно ча-
да Его, всю ночь кричат
то ли птицы, то ли звери –

чьи-то рифмы или ритмы,
словно черные грачи,
липнут к азбуке речи-
стой; и в формах колоритных

то ли люди, то ли куклы,
то ли буквы, то ли циф-
ры рифмуются, и рцы –
в центре сердца полукруглый;

но не речкой и не речью
эти строчки потекут,
и стихами нарекут
боль твою не человечью

вряд ли тут.

(2009)

Соты сознания

*Октябрь, золотая середина,
окно в его пчелиный лабиринт...*

Разрешите ей жить в октябре,
Ни в январь, ни в апрель, ни в июль ей
Не попасть в этот временный улей,
Что открыт для нее в октябре.

Там встревоженный воздух кружим,
Там движение дрожит вихревое,
Поднимая пчелиное рое
До высот кровеносных пружин.

И, пчелиной возней берем
И напуган преддверьем признанья,
Прячет улей по сотам сознания
Терпкий мёд золотых средин.

Но испить его можно едва ль –
Эта истина рядом, но где-то
Не зима, не весна и не лето,
Не июль, не апрель, не январь.

Там иное, там манит пыльца
Откровений, не собранных в мысли,
Что в осеннем бездонье повисли –
Ни начала им нет, ни конца.

Запах мёда почти различим
В межосенних фантазий жужжаньи,
Мыслешмельем так сладостно жалим
Спящий мозг без привычных причин.

Это всё для нее в октябре,
Ей одной этот временный улей,
И январь, и апрель, и июль ей...
Но они для нее – в октябре.

(2009)

Эхо ответа

выживает сильнейший
а слабейший – живёт
это больше чем меньше
это слаще чем мёд

это угли в лопатках
это льдинки в висках
это будто украдкой
на других свысока

это то что за фреской
это там где нигде
это кубики в детской
и круги на воде

это проблески света
это отзвуки гроз
это эхо ответа
на последний вопрос

(2006)

Предвкушение

То ли отзвук, то ли окрик,
и в начале каждой строчки
только маленькие точки,
только точки под апокриф.

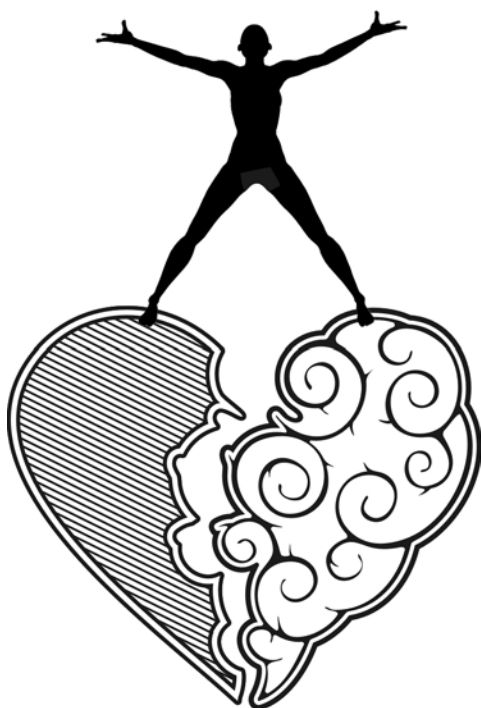
Точно почкам на деревьях,
станет тесно по весне им
и особенно теснее –
на условных удареньях.

И повиснет свет в окошке,
по весне полуоткрытом,
и рассыплются забыто
то ли точки, то ли крошки

и останутся на кухне
в ожиданьи продолженья,
и на ветке предложенья
многоточие набухнет.

(2006)

[выбор]

ВСТУПЛЕНИЕ 3

I. В РАМКАХ БЕЗДНЫ 5

Про рыб 7

Цирк 8

Челяба-Питер 9

«До» верхней октавы 10

Нездоровая ревность 11

Бред по Фрейду, или Сон во время болезни 12

Несовпадение 13

«Назови это слово...» 14

ТРИ СОВЕТА ПОЭТУ ПРО ЭТО

Ретроспективный 16

Белый 17

Розовый 18

Пошное стихотворение 19

ЦИКЛ «ОТ И ДО»

От 1 до 0 21

От детства до дедства 23

От рождения до вырождения 24

От вырождения до возрождения 25

От крестика до нолика 26

От листа до Христа 28

От Матфея до морфия 29

Последняя электричка 30

«Вот так и живем...» 32

II. ЭВОЛЮЦИЯ РИТМА	33
Эволюция ритма	35
Межсезонье любви	36
«Не торопись, мы все успеем...»	37
Стихотравение	38
Самое длинное предложение с продолжением	39
Первый лишний	40
Рано ли мы распрощались, поздно ли	41
Возвращение в настоящее	42
Когда деревья	43
20 06 2006	44
То же самое	45
О поэте, уже дшем из жизни ночью	46
Две причины написать на смерть поэта	47
Автонекролог к братской поэтической могиле	48
Поэту-католику	49
Крещение	50
Эксперименты демиурга	51
Со-мнения	52
Соты сознания	54
Эхо ответа	55
Предвкушение	56
ВЫБОР	57

Полина Потапова
АНАТОМИЯ ДВУХ АНТОНИМОВ

Оформление
Е. Потапов
<http://www.e-snail.ru>

Подписано в печать 25.12.2009
Заказ № 066. Тираж 200 экз.
Издательство «Монограф»
Тел. (351) 231-83-27, <http://www.id-monograf.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Фотохудожник»:
г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1
Тел. (351) 237-17-43, 260-24-08